Самохвалов

Две революции

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГП200
С222

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ГИ700р
С 222

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Самохвалов.

Две революции.

Издание Политическо-Просветительного Управления
Приволжского Военного Округа.

Нижний-Новгород.
Тип. № 10, Губ. Сов. Нар. Хоз.
1919.

01088
Инв. № 84017

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Издание Политико-Просветительного Управления
Приволжского Военного Округа

Нижний-Новгород
Тип. № 10, Губ. Сов. Тип. №№
1919

8401/7

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГИ200 р
С 222
933/33 69632

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Две революции, изумительные по своему размаху, приковывают внимание всякого, кто изучает историю народных движений—это Великая наша Октябрская революция и Великая Французская революция.

Сто двадцать пять лет разделяют одну от другой, но во многом одна повторяет другую. Правда, эта схожесть двух величайших революций зачастую чисто внешняя, очень, очень много в нашей революции отличительных черт и свойств, и все же напомнить некоторые моменты потрясающих эпох будет не бесполезно.

I.

Великая Французская революция началась, как и наша, на почве нужды и разорения. Крестьянство и рабочие терпели острый голод. В течение долгих лет помещики, министры и короли грабили трудящихся и прокучивали награбленное. Десять лет неурожаев закончились губительным летом 1788 г., когда сильный град произвел повсюду опустошение. Историки рассказывают, что „даже сравнительно зажиточные крестьяне питались ячменным хлебом самого плохого качества, между тем, как менее достаточные довольствовались хлебом из сухого сена и моченой мякины, что причиняло смерть многим детям. Хлеб, который можно было достать, отзывался плесенью и часто производил дизентерию и другие болезни. Более крупные города находились в таком положении, словно они выдержали всю тяжесть долговременной осады“.

Один оратор говорил на Генеральных Штатах: „Не существует более народа во Франции—он погиб: это обездоленный скиталец, обобранный догола и пущенный в одной рубашке".

Когда Людовик XIV начал править сам, народная нищета дошла до последней степени и неизвестный аноним писал, между прочим, королю:

— „Ваш народ *умирает с голоду*. Обработка земли почти прекратилась; города и деревни лишаются жителей; все ремесла в застое и не питают более работников. Вместо того, чтобы брать деньги с этого нищего народа *его следует кормить милостыней*!

— „Из всех исследований,—писал Кобан, сделанных мною в течении многих лет, я убедился, что $^1/_{10}$ народа *доведена до нищенства, и действительно нищенствует;* что из 9 других частей 5 не могут подавать ей милостыню, *потому, что сами нищие;* 3 находятся в критическом положении, обремененные долгами и процессами, и, наконец, $^1/_{10}$, составляющая не более 10,000 семей, может считаться благоденствующею".

„За ужасною эпохой „Короля солнца" наступили развеселые, распущенные времена регентства" Людовика XV. *Голод сделался постоянным*, особенно после того, как *первые лица в государстве составили компанию для спекуляции хлебною торговлею и сам Людовик XV принял в ней участие, вложив в нее капитал 10,000,000 ливров.* Хронический голод сплошь и рядом страшно обострялся, поражая народ в 1740, 1741, 1742, 1745, 1767, 1768, 1775, 1776, 1784, 1788 г.г".

Как велика была смертность в это страшное время, наполнявшее золотом глубокие карманы вельможных кулаков—хлеботорговцев, можно например судить по тому факту, что в два голодных года умерло французов более, чем убито во все войны Людовика XIV.

Посмотрим теперь на блестящую сторону медали —на жизнь тех, безумную роскошь и бесстыдную

праздность которых терпеливо целые столетия нес на своих плечах питавшийся травой, умиравший с голоду, из'еденный вшами французский народ.

Первое место, конечно, королям.

Для поддержания их традиционного юпитерского величия существовал самый многочисленный и роскошный двор, а версальская резиденция короля составляла целый город *существовавший исключительно двором и для двора.* Едва только подрастали какой-нибудь принц или принцесса, как им строили дом. Когда принц женился, строили другой дом для его жены и при каждом из этих домов было до *двадцати* различных ведомств—конюшенное, охотничье, гардеробное, кабинетное, совет, оберфоршнейдерское и т. д., и т. д. У герцога Орлеанского было 274 должности; у дочерей короля—210; у принцессы Елизаветы—68; у графини д'Артуа—239; у графини Прованской—256; у королевы—496. У старшего брата короля было гражданских должностей—420, а военных—179; у графа д'Артуа гражданских—456, военных—237. У самого короля была блестящая, многочисленная гвардия, пехота, кавалерия, телохранители, французские гвардейцы, швейцарские гвардейцы, швейцарская сотня, легкая кавалерия, гвардейские жандармы, привратная стража, всего 9050 чел., на содержание которых ежегодно выходило 7.681,000 ливров. В королевских конюшнях содержалось 1857 лошадей и 217 экипажей, при которых состояло 1458 человек, и одна только обмундировка последних стоила ежегодно 540,000 франков. Кроме того при особе короля состояло: 38 шталмейстеров, конюших и ординарцев; 20 гувернеров, капелланов и наставников; 30 медиков, аптекарей и сиделок. Кроме этих лиц были, конечно, и другие—пажи, лакеи и всякие придворные „услужающие", всего 2958 человек. Ежегодно покупалось лошадей на 250,000 франков; 287 лошадей ежедневно упражнялись в манеже. Вся королевская конюшня на свое содержа-

ние в 1755 году требовала 4.600,000 ливров, а в 1787 году уже 6 200,000. Одних только пажей при дворе было до 150, не считая пажей принцев крови, и одежда каждого пажа стоила 1500 ливров. Кроме пажей были еще сотни лакеев, горничных, мальчиков, егерей, курьеров и т. д. Королевская охота стоила в год до 1.200,000 ливров и для нее, кроме упомянутых, содержалось еще 280 лошадей, корм которых стоил в 1783 году—179.194 ливра, а корм охотничьих собак 53.412 ливров. Независимо от королевских конюшен, прислуги, охоты и т. д., у каждого принца, у каждой принцессы были свои конюшни, своя прислуга, своя охота, своя часовня, свои медики и т. д. При королевской часовне числилось 75 капелланов, исповедников, клириков, певчих, музыкантов, а „ради здравия его величества", содержалось 48 медиков, фельдшеров, аптекарей, окулистов, операторов, дистиляторов и т. д. Для услаждения слуха при дворе было 128 певцов и музыкантов. При королевской библиотеке состояло 43 человека лекторов, граверов, переплетчиков, наборщиков. Для разных услуг во время церемоний было 62 человека герольдов, оруженосцев, докладчиков и музыкантов; для услуг-же королю в собственных его апартаментах было 68 гоф-фурьеров и фурьеров. Столом собственно короля и детей его, во время малолетства, заведывало 383 чиновника, 103 мальчика и стол ежегодно стоил 2,177,771 ливр; кроме того, на стол принцессы Елизаветы выходило ежегодно 389.173 ливра; на *лимонад* королю выходило в год 2.190 франков, а *на утренний и вечерний бульон* одной *двухлетней* принцессы 5201 ливр. Дофина *изнашивала в неделю* четыре пары башмаков, три аршина лент *в день* на пояс к пеньюару. Выходило два аршина тафты *в день* для закрывания корзины с перчатками. Через несколько лет по придворным счетам значилось: *на кофе, лимонад, шоколад и мороженное королю* 200.000 франков в год, а *чашка кофе с молоком и сухариком*, подаваемая каждое

утро каждой придворной даме, стоила *в год* около 2.000 франков.

Но этими систематическими кражами крошек с королевского стола, за которым, под звон золота и изысканных острот пожиралось благосостояние двадцати пяти миллионного французского народа, не ограничивались крупные придворные хищники—они рвали огромными кусками и из „королевской шкатулки", под видом разных „пенсий", „подарков", „ссуд на уплату долгов" и из казны разоренного народа.

„Едва только де-Калан вступил в должность,— рассказывает Ожар—как сделал заем в 1.000,000, из которого и *четвертой части не поступило в казну: все было расхватано придворными*, в том числе графу д'Артуа дано 56.000,000, старшему брату короля 25.000,000, принцу Конде 12.000,000 и 600,000 пожизненной ренты".

Можно привести еще сотни, тысячи поражающих цифр, иллюстрирующих безумную расточительность верховной и светской аристократии и ужасающую, сказочную нищету крестьянства той мишурно-блестящей преступной эпохи, но эти цифры будут только вариациями.

В эту эпоху французской истории, во Франции насчитывалось до 28000 дворянских семейств, *т. е. одна дворянская фамилия приходилась на 1000 жителей.*

Все эти фамилии изо-всех сил старались подражать королевской—и, в роскоши, и в бесцеремонном обирании народа, и в безделии.

Я привел только часть фактов, но общее состояние того времени может быть определено двумя словами, которые также применимы и к нашему предреволюционному времени:

— Помещики, купцы, министры и короли грабили народ и проживали, проживали и грабили.

И французский народ поднялся на защиту своих прав и интересов. Все свое негодование народ обратил

прежде всего против помещиков и министров. Запылали дворянские усадьбы, и владельцы их бросились, как тараканы, заграницу—в Англию, Австрию и Германию. Беглецы (эмигранты) стали обивать пороги царей, министров и помещиков в Вене, Берлине и Лондоне, натравливая их на французский народ. Да и французский король просил иностранных императоров помочь ему умиротворить восставшую „сволочь", как он называл французских крестьян и рабочих, которые стали ограничивать королевскую власть.

Первая откликнулась на их зов монархическая Австрия, которая потребовала от французского народа восстановления во всей полноте королевского, а стало быть и помещичьего господства.

Исстрадавшиеся французы в этом отказали, и Австрия решила вмешаться во внутренние дела Франции. Австрийский император заключил союз с прусским (германским) королем и оба они согласились 27 февраля 1792 г. выставить против Франции 60 тысячную армию.

Иностранные императоры и буржуазия боялись, как бы революционная зараза не проникла из Франции в их страны, и повели наступление, хотя и не были готовы к войне.

Но и французы обладали в достаточной мере лишь революционным энтузиазмом, который помог им в конце-концов разбить неприятеля, но на первых порах австрийцы—пруссаки одерживали победу за победой. Австрийцам удалось выйти на прямую дорогу в Париж.

В тылу работали отечественные контр-революционеры, желающие восстановления прежних порядков, и король Людовик *XVI* играл тут одну из первых ролей. Это скоро обнаружилось, что дало основание одному депутату воскликнуть: „Вам говорят,—взывал он:—бойтесь королей венгерского и прусского! А я скажу вам: главная сила этих врагов—при дворе, там сперва их нужно победить. Ударьте на королевский дворец, так вы одним ударом поразите и духовенство".

В самом деле, когда буржуазные эмигранты организовались на границе Франции, чтобы с оружием в руках вернуть народ в рабское состояние, восстановив власть короля и помещиков, король Людовик сделал попытку бежать из Франции, соединиться с эмигрантами и во главе их и во главе иностранных войск двинуться на народ и силой заставить отказаться от свободы и стремления к улучшению жизни. Но бегство короля не удалось. Его на границе узнали, вернули в Париж, а вскоре после этого королевская голова свалилась с плеч. Его казнили. Все трудящиеся люди Франции одобрили эту меру, так как изменник народа не заслуживал снисхождения. Но в монархических иностранных государствах казнь короля произвела совсем обратное впечатление. Трепетавшие перед силой революции правящие классы всей своей буржуазной душой ненавидели свободу народа и решили подавить революцию. Душой международной контрреволюции стал английский министр Питт. Он создал союз (коалицию) государств, смертельно боявшихся новой Франции. В этот союз вошли Англия, Австрия, Пруссия, Россия, Италия, Испания, Португалия. Английское золото рекой потекло на это гнусное дело. Папа римский, глава церкви, дал свое благословение и деньги на избиение французского народа и на уничтожение революции. Русский царь послал свои войска во главе с Суворовым. Герцоги, престолонаследники, принцы, графы, генералы и адмиралы стали во главе других отрядов и армий. Франция оказалась окруженной со всех сторон. Англо-испанский флот занял все морские пути, начав блокаду Франции. Ни один корабль не пропускался во французские гавани, все товары, идущие во Францию, уничтожались. Питт вместе с союзниками своими решили уничтожить новую Францию во что бы то ни стало, усиливая голод и бедствия революционного народа путем блокады, путем устройства заговоров в тылу и наседанием на фронтах.

Действительно французский народ чрезвычайно нуждался. Пришлось ввести хлебный паек, пониженный в конце—концов до 1/2 фунта в день; пара башмаков стоила 14 тысяч франков. Были приняты решительные меры по борьбе с спекуляцией, которая в это время стала необычайно развиваться.

Питт не стеснялся в способах борьбы с революцией и стал выпускать поддельные французские деньги, чтобы понизить стоимость французского рубля.

Но все эти шуллерские приемы контр-революционеров не понизили энтузиазма французов. С героической стойкостью переносили они все недостатки и желали только одного—спасти добытую с такими жертвами свободу.

Когда революционное правительство об'явило, что отечеству угрожает смертельная опасность и для спасения его необходимо создать мощную армию и вооружение,—со всех концов Франции двинулись рабочие и крестьяне на призывные пункты, застучали молотки, выковывавшие пики, заработали день и ночь оружейные мастерские. Даже типографские рабочие заявили, что они готовы работать дни и ночи, если это необходимо для родины. Все были охвачены революционным энтузиазмом.

„Республике что стало нужным?—
спрашивалось в одной песне того времени,
„Хлеб, храбрость, ружья безоружным.
„Ружье—на вражий стан,
„А хлеб—для наших братьев.
„Сплотимся, как одна семья,
Мои друзья!"

Выше всего поднялись волны воодушевления среди молодежи. Молодежь стала опорой революции, потому что молодежь пылала страстной любовью к новой государственной форме и вся взялась за оружие, чтобы прогнать наемные войска Питта.

Особенной любовью среди трудящихся масс пользовался доктор Марат, который направлял революцию по пути наибольших выгод для народа и который вел непримиримую борьбу с контр-революцией. Он обращался тогда к народу с следующими словами: „Бесспорно, что капиталисты, маклера и монополисты, продавцы предметов роскоши, шайка крючкотворов, чиновники и бывшие дворяне,—все они почти сплошь опора старого строя... Так как я не вижу никакого способа изменить их разумение, то я не нахожу других средств обеспечить спокойствие государству, как совершенное уничтожение этих достойных проклятия заговорщиков. Теперь они удваивают свои усилия, чтобы превосходящими всякую меру ценами ввергнуть народ в голод и нищету".

В самом деле враги народа, контр-революционеры, всеми мерами стремились ухудшить положение народа, чтобы сломить его революционный энтузиазм, задушить голодом и принудить к покорности.

В то время, как Англия снабжала контр-революционеров деньгами, оружием, давала им свои войска, корабли и обмундирование, внутри Франции контр-революционеры устраивали заговоры, восстания и убийства.

Они подослали к Марату буржуазную девку, Шарлотту Корде, которая ударом кинжала убила Марата.

Они подняли восстание в провинции Вандея, которая является житницей Франции, они подбили к беспорядкам город Лион. В Вандее жили кулацкие элементы. Среди них и повели свою преступную агитацию попы да бывшие помещики. Темное кулацкое население легко было зажечь и оно зажглось. Пожар восстания захватил все население этой плодородной провинции. Создалась угроза не только тылу, но и соседнему фронту. К тому же на фронтах начались измены со стороны генералов. Правда, измены эти

удавалось скоро ликвидировать при помощи самих войск, но общее положение страны было очень тяжелое.

Наибольшей революционностью отличался Париж, где было большое количество рабочих. Озлобленные парижане беспощадно расправлялись с заговорщиками, контр-революционерами.

„Восстань, народ, разбей свои оковы, тебя зовет свобода. Гордый народ, ты рожден для нее; восстань, народ, разбей свои оковы.

Будем все пещись о своем государстве. Лион поднял оружие против свободы—Лион должен быть разрушен. Вандея поднялась против свободы—Вандею надо разрушить".

Это был общий лозунг.

Вандейцы прятались в лесах, время от времени сражаясь с революционными отрядами, получая оружие от руководителей контр-революцией.

Лионцы были жестоко наказаны революцией за свое выступление.

Вандейцы точно также были разбиты на голову.

Тем временем общее командование на фронтах было поручено молодому революционному генералу Карно. Он ввел в армиях строгую дисциплину, усилил их вооружением и дал большое сражение австрийцам на северном фронте. Это было на 4-й год революции. Французские революционные войска дрались, как львы. Со словами: „Свобода",—умирали они на поле сражения.

Батальоны из города Марселя принесли с собою новый гимн, начинающийся словами; „Отречемся от старого мира", гимн, названный марсельезой по имени своей родины, и он воодушевлял революционных бойцов.

Революционное правительство приказывало генералам, вождям армий, побеждать, и они делали своим лозунгом: „Смерть или победа".

Австрийцы были разбиты на северном фронте, причем в самый разгар боя Карно взял в руки ружье и в первых рядах воодушевлял бойцов. В это же время другой революционный вождь, 25-летний генерал Гош,

бывший раньше конюхом и самообразованием развивший свои блестящие дарования, повел наступление и разбил пруссаков. Пруссаками командовал герцог Брауншвейгский. На помощь им был послан корпус австрийцев под командой старого маршала Вурмзера, но ничто не могло противустоять пламенному натиску революционных войск под предводительством Гоша. Пруссаки и австрийцы бежали, очистив таким образом всю северную границу Франции.

Вскоре было нанесено чувствительное поражение и итальянцам.

Зимой 1793—94 г. Франция закончила огромные вооружения и могла уже выставить для отражения союзников четыре больших армии.

Вскоре революционные армии одержали успехи на остальных фронтах, несмотря на то, что положение французской бедноты было в экономическом отношении самое отчаянное.

Англия продолжала, однако, сыпать золото, создавая новую силу против революции. Австрийцы и пруссаки, оправившись, начали снова напирать. Французские эмигранты (беглецы, помещики и капиталисты) во главе с графом д'Артуа обучались в Англии военным приемам, английское правительство обмундировало их в английскую военную форму, дало суда и оружие и эта „добровольческая" армия отправилась на помощь союзным войскам. Они высадились на полуострове Кибероне, соединились с восставшим кулачеством Ванден и Бретани, так что у них образовалось многотысячное войско.

Но генерал Гош успел отрезать полуостров от материка и загнал контр-революционеров в глубь полуострова. Крестьяне стали массами переходить на сторону революционных войск, в то время, как эмигрантов Гош уничтожал беспощадным образом. Английский флот помогал эмигрантам, обстреливая из пушек полуостров, но уже ничто не могло спасти их

от гибели. С кораблей были поданы шлюпки, но эмигранты впали в такую панику, так спешили поскорее убраться на суда, что английские матросы вынуждены были разгонять их ударами сабель для водворения очереди. Было большое количество убитых и потопленных эмигрантов; кроме того Гош захватил тогда около 6000 пленных.

Таким образом, попытка Англии вкупе с союзниками уничтожить французскую революцию вооруженной рукой потерпела полную неудачу.

Одно за другим государства стали выходить из союза с Англией и заключать мир с Францией.

И если французская революция имела совершенно иные результаты, чем те, на которые имеет все основания наша русская, то об'яснение этого лежит в условиях того времени, глубоко отличных от условий нынешних. Значительно изменились теперь условия для революции, появился на сцене деятельности самостоятельный, действительный пролетарский класс, которого не было тогда, как сплоченного, об'единенного одними интересами класса.

Но контр-революция осталась той же по существу, той же по составу, методам и приемам борьбы теперь, как и тогда: капиталисты, помещики, банкиры, фабриканты, генералы и адмиралы, князья и графы, попы и буржуйские прислужники.

Кстати о попах. Французские попы разделились тогда, как и теперь у нас, на два лагеря: одни сочувствовали восставшему народу, другие, в большинстве, перешли на сторону контр-революции и стали активно ей помогать. Они организовали „общества Иисуса", ставившие своей задачей преследование революционеров, и вели контр-революционную агитацию.

II.

Государственный порядок в России, каким был при Екатерине и ее сыне Павле, состоявшими в союзе

с Англией для подавления французской революции, таким же оставался до 1905 года. Царь, помещики да капиталисты хозяйничали в стране, грабили народ и проживали, проживали и грабили.

Русский мужик, а впоследствии и русский рабочий стали притчей во языцех.

Мужикам, жившим землей, некуда было куренка выпустить, так мало имели они земли, а в то же время у дворян и купцов ее было огромное количество. В среднем у дворян приходилось земли на каждую душу по 633 десятин, у купцов—по 775 десятин, у мещан—по 33 дес., а у крестьян—по 18. Это в среднем, это выходит по цифрам, если всю крестьянскую землю разделить на всех крестьян. На самом же деле кулаки-кабатчики, лавочники и проч. пауки имели больше 10—15 десятин в собственности, а крестьянин—бедняк, труженик, действительно не имел куда куренка выпустить.

Рабочие жили впроголодь, за очень небольшими исключениями, и нищета развивалась среди них еще больше, чем само население и богатство фабрикантов.

В январе 1904 г. началась по воле правящей клики война с Японией, которая потребовала много денег, оторвала много людей от работы, разорила страну.

Остановились фабрики и заводы, стало рушиться крестьянское хозяйство. Крестьянство, ходившее на отхожие промысла, вынуждено было вернуться, за прекращением работ, в деревню, а там для уплаты податей пришлось продавать даже семенной хлеб, не говоря об инвентаре. Ремесла пришли в упадок, кустарничество разорилось.

Это и привело страну в великое сотрясение. Началась первая русская революция, так памятная до сих пор. Революция определила пути, по которым может пойти современное пролетарское движение, и борющиеся силы.

Восстание крестьян против помещиков, борьба рабочих с фабрикантами отбросили и помещиков и фабрикантов в лагерь контр-революции, и для всякого мыслящего человека стало, ясно что у рабочих и крестьян враг не только царь, но и помещики, и фабриканты, словом весь государственный строй с банками и урядниками, с поповским обманом и генеральской зуботычиной.

Самая черная реакция, последовавшая за революцией, не уничтожила причин, приведших Россию к 1905 г., лишь усилила их.

И когда в 1914 году разразилась новая война, понадобилось много обмана и лжи, чтобы поддержать мир внутри страны, гражданский мир. Но Тришкин кафтан как ни латай, он все равно для носки не годится. Ложью, обманом, крестом и нагайкой, тюрьмой и виселицами удалось царю и буржуям держать народ в повиновении, но искусственная связь порвалась, как только разорение страны дошло до высшей меры.

Да и как было не разориться России! Каждый день войны в 1914 г. стоил нам 11½ миллионов руб., в 15-м году—22 миллиона руб., в 16-м году—50 мил., в 1917 г.—58 миллионов руб. день. Стоном застонала трудящаяся Россия. Ведь эти миллионы—это ее пот и кровь.

Неприкрытый олод охватил страну, заволновались рабочие и крестьяне, а в это время царь и министры, капиталисты и помещики предавались пьянству и обжорству, набивали свои карманы.

— Норови побольше в карман!—этот лозунг буржуев всех сортов и рангов особенно ярко проявлялся теперь во всей их деятельности.

И вот порвалась цепь великая, началась вторая русская революция.

В 1905 г. царь Николай II вел переговоры с германским императором о присылке немецких солдат

для усмирения восставшей „сволочи“, т. е. рабочих и крестьян, но обошлось без этого.

В 1917 г. царские генералы сговорились с немецкими генералами, чтобы открыть русский фронт и двинуть немецкие войска „для водворения порядка в России“. В виде платы за такую „услугу“ генерал Корнилов отдал Ригу. Но, повидимому, сговор этот пришлось изменить. Генерал Корнилов сам пошел „водворять“ порядок в Петербурге, расчитывая починить разбитый царский трон.

Рабочие и крестьяне, помня урок 1905 г., сразу же определили в ген. Корнилове своего злейшего врага и нанесли ему решительное поражение, начав одновременно борьбу с буржуазией вообще.

Буржуи, по примеру своих французских предков, эмигрировали заграницу: кто в Берлин, в Германию, кто в Лондон, в Англию, кто в Америку, кто во Францию. И всюду повели они преступные призывы на войну с Россией.

Первая начала военные действия против нас Германия. Наше революционное правительство рабоче-крестьянское заключило с Германией мир, чтобы иметь возможность передохнуть и собраться с силами. Но уже тогда, предвидя, как будет развиваться революция, рабоче-крестьянское правительства кликнуло клич:

— Отечество в опасности!

Гул заводских гудков был ответом на этот клич.

Слышит рабочая, слышит пролетарская Русь трудовая об опасности и спешит на помощь.

— Надо создать 3-х миллионную Красную Армию,— взывает наш любимец, наш вождь т. Ленин.

И эхом отзывается вся Россия.

— Слышим, Ильич, сделаем!

Стали расти стройные полки, дивизии и армии революционной России, заработали заводы и оружейные мастерские.

Но и в контр-революционном лагере кипит работа.

Эмигрант Башкиров с компанией в Америке, Милюков с компанией в Англии, Путилов—в Японии, Маклаков—во Франции, Керенский—в Германии обивают пороги тамошних буржуазно-монархических правительств и просят их о помощи.

Во главе всей контр-революции, спустя 125 лет, становится опять Англия. Ее министр Лойд-Джордж создает коалицию иностранных держав, льется золото английское направо и налево, посылаются войска и оружие для подавления русской революции, суда английские заняли все морские пути и стерегут наши берега, не пропуская подвоза извне, всячески усиливая бедствия голода в стране.

Внутри страны устраиваются заговоры, девка Каплан, по примеру Шарлотты Кордэ, пытается убить т. Ленина, бросаются бомбы, устраиваются востания.

Но революционные войска стойко выдерживают яростные атаки противника. Они совершенно уничтожили армию Колчака, очищают северную границу от неприятеля, сдерживают врага на западе.

У нас имеется могущественнейший союзник—международный пролетариат, чего не было 125 лет тому назад, и он поддерживает нас и облегчает наше положение.

Блокадой России наши враги бьют и себя и бьют еще больнее, чем нас. Блокадой России они вызывают революцию у себя, а это выгодно нам больше, чем нашим врагам.

Однако, русский пролетариат не сделал еще всего, что требует революция.

Мы глубоко убеждены, что как Питту не удалось победить французской революции, так Лойд-Джорджу не победить нас.

Но мы еще не довели нашего революционного воодушевления до такого под'ема, как это было во Франции в 1793 г.

Мы еще не уничтожили армии Деникина.

Русский пролетариат, тебя зовет Свобода: уничтожь Деникина!

Это Деникин запрудил уголь в источниках его. Это он сказал, что пределы наши сожжет, юношей наших мечем истребит, грудных детей о земь бросит, девушек наших пленит и уничтожит все население городов и сел. Это он грабит города и храмы, вешает рабочих и порет крестьян.

Но ты, всемогущий, ты, вседержитель мира, великий пролетарский класс, встань весь, как один человек, и уничтожь Деникина!

Тебя зовет Свобода!

Пусть эмигранты хлопочут заграницей, пусть попы создают полки Иисуса, пусть контр-революция напрягает свои силы—они погибнут, если ты будешь действовать.

Тебя зовет Свобода—действовать!

Инв. 69632